

БОРЬБА

КЛАССОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Т. РЫСКУЛОВ

ВОССТАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1916 Г.

К. СЕЛЕЗНЕВ

О ВОЙНЕ 1812 Г.

Е. ЗВЯГИНЦЕВ

ОТЧЕГО ВЫГОРЕЛА МОСКВА В 1812 Г.

М. ЗЕЛЕНСКИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ И РАСПАД „ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ“.

И. РАЗГОН

ГИКАЛОВЦЫ

А. СЕНКЕВИЧ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Е. ЛЕВАКОВСКАЯ

ДРЕВНЯЯ МОНГОЛИЯ

А. БУКШТЕЙН

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В XVI В.

В. АВДИЕВ

ВОССТАНИЕ РАБОВ В ЕГИПТЕ ЗА 2000 ЛЕТ ДО Н. Э.

Д. СВЕРЧКОВ

ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ

В. КРАСНОВ

„ХОДЫНКА“ (1896—1936)

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2013](http://istmat.info/node/29199)
раздел нашей библиотеки,
посвященный истории Средних веков:
<http://istmat.info/node/29199>

И Ю Н Ь
1936

№ 6

А. Букштейн

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В XVI ВЕКЕ (О восстании кроканов)

1

Крестьянские восстания во Франции не прекращались в течение всего XVI века. Великая крестьянская война 1525 года в Германии перекрестнула через границу и нашла отзвук в западных провинциях Франции.

В 1548 году произошел ряд крестьянских восстаний, вызванных возмущением против непомерного соляного налога (габель). Бордо и ряд других провинциальных городов оказались вовлеченными в круг восстания. В Гиенне поднялось до 50 тысяч человек. Восстание было подавлено с обычной жестокостью.

С 1577—1578 годов начинается новая волна крестьянских восстаний. Первая вспышка произошла в провинции Дофинэ (округ Валентинуа). Местное дворянство, прибирая к своим рукам общинные земли, одновременно перелажало на плечи крестьян и горожан всю тяжесть налогового бремени. Крестьяне округа Валентинуа (современный Валанс), предводительствуемые горожанами, подняли восстание и увлекли за собой соседних крестьян. В январе 1579 года восстали крестьяне окрестностей гор. Романа (в том же округе). Городские рабочие, солидаризовавшись с ними, снабдили их оружием и избрали своим цеховым мастером вождя крестьянской лиги суконщика Помье. Не ограничившись этим, рабочие выбросили буржуа из муниципалитета и заняли их место.

Четырехтысячная армия восставших двинулась ограждать страну от раз-

нуздавшейся дворянской своры. Движение приняло такой размах, что правительство, будучи бессильно остановить его, сделало крайнюю ставку на личное обаяние Екатерины Медичи — королевы-матери. Последняя, приехав в Дофинэ, устроила свидание с Помье, который, между прочим, отказался встать перед ней на колени. В конце концов Екатерина покинула провинцию, не выполнив своей миссии. Народ решительно не хотел покориться мародерским законам. Борьба возобновилась и длилась до 1580 года, когда крестьяне потерпели поражение после падения гор. Романа вследствие недостачи пороха и предательства Ледигьера (губернатора Прованса и Дофинэ), в критическую минуту отказавшего в помощи.

Одновременно происходили еще более кровавые события в Провансе, где крестьяне на насилие отвечали насилием: разрушали замки, убивали господ, громили поместья.

Через несколько лет, в 1586 году, в Нормандии вспыхнуло «восстание готьеров», вызванное повышением налогов, бесчинствами бригаднов¹ и сеньоров. В результате предательства восстание было подавлено и крестьяне жестоко наказаны.

В том же году поднялась Бретань. Интересен тот факт, что крестьяне в своей ненависти к господам забыли о религиозной розни и одинаково избивали как католических, так и гугенотских дворян.

Восстание кроканов² в 1594—1596 годах было заключительным эпизодом крестьянского движения XVI века.

Характерно во всех этих движениях то, что в крестьянских жалобах оди-

¹ Солдатские грабительские шайки.

² «Ceux de cette fonction s'appellerent entr'eux tartavises et chasseurseurs et communement étaient appelés croquants» («Принадлежавшие к этой группе называли друг друга тартавидами и шассволедами («охотниками за ворами»), а общепринятое их название — кроканы»). Из регистра муниципалитета гор. Перигора. 1594—1595 годы. «Университетские известия». Киев. Февраль 1875 года. Лучинский «Documents inédits», стр. 48. Подробную интерпретацию этого слова см. в большом словаре Larousse.

наково громко слышатся протесты как против дворянского произвола, так и против фискального (налогового) гнета со стороны формировавшегося абсолютизма.

Если к дворянину-узурпатору и королевскому фискальному чиновнику присовокупить ростовщика, игравшего большую роль в жизни крестьянина и бриганда, — перед нами предстают основные враги французского крестьянина в XVI веке.

Под непрерывным революционным напором крестьянства постепенно уменьшалась тяжесть феодальных повинностей, сокращались размеры барщины, натуральные сборы заменялись денежными. Наряду с этим происходил и процесс освобождения личности: исчезали серваж¹ и менморт². Личное

¹ Буквально — рабство; в средневековом смысле — крепостное состояние.

² Менморт (мертвая рука) — так называлось одно из ярких проявлений пережитков крепостничества, заключавшегося в том, что законным наследником имущества умершего крестьянина считался не его родственник, а сеньор-помещик. Рука крестьянина была мертва, что-

имущество крестьян становилось независимым от своеволия сеньора, и крестьянин получал фактическую возможность распоряжаться им по своему усмотрению.

Нужно отметить, что успешности борьбы крестьянства способствовало развитие капиталистических отношений. Буржуазия, становившаяся на путь экспроприации крестьянского хозяйства, была заинтересована в том, чтобы крестьянин был на деле хозяином своей земли и мог ее продать или отдать в покрытие долга. Наконец, сама абсолютная монархия, стремясь создать кадры налогоплательщиков, была заинтересована в ограничении феодальных обязанностей крестьянина по отношению к своему сеньору.

2

Однако развернувшееся крестьянское движение, особенно события 70—80-х годов XVI века, не могло не привести и к обратным последствиям:

бы передать свое достояние по наследству.

обеспокоенные этой массовой борьбой крестьянства, буржуазия и дворянство стали стремиться к усилению королевской власти. На почве этих устремлений состоялся между ними компромисс, приведший в 1594 году на французский престол Генриха IV Бурбона, короля Наваррского.

Начав борьбу за французский престол еще с конца 80-х годов (после смерти Генриха III), Генрих IV, при поддержке буржуазии, одержал победу над феодально-католической «священной лигой», за спиной которой стояла реакционная Испания. Когда Филипп II Испанский попытался подчинить себе Францию, посадив на престол свою дочь, французский парламент, состоявший из крупнейших бюрократов, одворянившихся выходцев из буржуазных кругов, решительно стал на сторону Генриха IV, вполне основательно опасаясь, что усиление Испании вернет политическое преобладание крупным аристократическим родам. Париж сдался Генриху IV. Определенную роль в этой сдаче сыграло и то, что Генрих, в угоду католическому дворянству, принял католичество. Известно его выражение по этому поводу: «Париж стоит обедни» («Paris vaut bien une messe»).

У крупных феодалов, захвативших значительные территории и распорядившихся ими подобно самостоятельным царькам, Генрих IV выкупал земли за наличные; именно эти платежи особенно опустошили королевскую казну.

Усиление королевской власти в лице Генриха IV создало условия и для более успешной внешней политики. Поддержанный Англией, Генрих IV вынудил Испанию подписать в 1598 году мирный договор, по которому Франция получала обратно все отвоеванные Испанией территории.

Этим открывалась эра «мирного» строительства абсолютной монархии и подготовки ее военной мощи для грядущих войн.

Генрих IV защищал интересы крупной буржуазии. Он выдвигал упразднение гильдий, стеснительных для торговли, и всячески содействовал развитию торговли, промышленности, строительству сухопутных и водных путей сообщения. Король решительно

ограничивал «физиократические» тенденции министра финансов консервативного Сюлли, считавшего, что основным источником национального богатства является земледелие и скотоводство. Склонность первого Бурбона к увлечению городской промышленностью не исключала, однако, трезвых взглядов на сущность крестьянской проблемы. Некоторое уменьшение налогового бремени для крестьянства при Генрихе IV было вызвано стремлением правительства гарантировать тот *existence minimum*, без которого крестьянство оказалось бы абсолютно неспособным к воспроизводству и несению миссии основного класса-налогоплательщика. Создание и укрепление абсолютизма было связано с ростом государственных расходов и ложилось тяжелым бременем на многострадальное французское крестьянство. Что же касается «докурицы в воскресном меню французского крестьянина», то эта демагогия не принимается теперь всерьез даже буржуазной, мало-мальски добросовестной и серьезной историографией¹.

Несмотря на некоторое снижение налогов положение крестьянства и при Генрихе IV продолжало оставаться крайне тяжелым. Предшествовавший период феодальной реакции с его феодальными войнами разорил крестьянские хозяйства. Крестьянское разорение не могло, конечно, ни исчезнуть, ни сколько-нибудь значительно уменьшиться от ничтожного снижения талии на 5 миллионов ливров. Кроме того процесс восстановления крестьянского хозяйства логически не мог развиваться параллельно с процессом восстановления государственного бюджета. Крестьянский и государственный бюджеты были связаны законом обратной пропорциональности, и снижение дефицита казны с 300 миллионов ливров в 1599 году до 196 миллионов ливров в 1610 году произошло за счет увеличения кос-

¹ Миф о «добром Генрихе», связанный с деятельностью Сюлли, направленной к развитию сельского хозяйства в интересах фиска, имел широкое распространение в буржуазной историографии, которая совместно с консервативно-дворянскими историками совершенно незаслуженно возвела Генриха IV на пьедестал «народолюбивого короля».

венных налогов на предметы первой необходимости, что только усугубляло экономический кризис в сельском хозяйстве. Французский экономист и публицист Кламажеран считает, что налоги на предметы первой необходимости были увеличены на $\frac{6}{5}$ миллиона ливров.

Состояние крестьянского хозяйства настоятельно требовало экстренных оздоровительных мероприятий и в первую очередь облегчения налогового пресса. Этого как раз абсолютизм сделать не мог. Крестьянство всегда оставалось объектом, а не субъектом политики Генриха IV. И мифом является утверждение, что «положительная деятельность» короля по упорядочению страны совпадала с интересами крестьянства.

«Народ сегодня так угнетен и столь подавлен, что он близок к падению под тяжелой ношей, что его обременяет; нет более средств, которые позволили бы ему подняться из той грандиозной нищеты, на какую он низведен. Бедствие проистекает из того, что только лишь бедные выплачивают та-

лию, тогда как богатые освобождены от нее»¹, — писал современник.

Городская буржуазия большей частью освобождалась от уплаты налога, покупая дворянские должности. Города в согре откупались от налогов, и талия все больше становилась специфически крестьянским налогом. Зачастую крестьяне не в состоянии были оплатить десятой части той суммы, которую с них требовали. И в этих случаях с ними поступали со всей жестокостью закона: у них отбирали живность, утварь, кровати, снимали окна и двери с петель и, наконец, сдирали крышу!

Советник парижского парламента Пьер Летуаль, писавший хронику царствований Генриха III и Генриха IV в 1608 году, записал сообщение, сделанное ему одним дворянином из Шампани: некий бедный человек, обремененный 5 детьми, увидя, что в счет уплаты талии у него забрали все вплоть до куска хлеба, запрятанного им в сеник, пришел в такое отчая-

¹ Цит. по Боннемэру «Histoire des paysans». V. II, p. 2.

ние, что в неистовстве обрушился на своего ребенка, умертвил его, после чего наложил руки и на себя¹.

Если в первые годы правления Генриха IV, когда правительство было бессильно опрадать своих подданных от покушений разнузданной дворянской своры², непосредственным антагонистом крестьян было главным образом дворянство, то уже к началу XVII века крестьянские восстания направлены в первую очередь против несправедливых государственных поборов. Эти восстания, замечает французский историк Авенель, не походили на средневековую жакерию, направленную против замков; теперь ненависть закипала против сборщиков налогов, обрушивалась на соляные склады, таможни, — словом, направлялась против государства. К такого рода восстаниям относилось и восстание кроканов.

Сигнал к восстанию подал округ Лимузен. Восставшие крестьяне обрывали виноградники, рубили леса, жгли усадьбы, убивали господ. Движение развернулось в Перигоре и затем, распространяясь все дальше, широкой лавиной охватило Гасконь, Сентонж, Лимузен, Пуату и Керси.

Подробную хронику событий в Перигоре дает Пальма Кайе³.

Повстанцы были вооружены самым причудливым образом: кто имел шпагу, кто аркебуз, кто алебарду, а кто попросту железную палку; одни пешие, другие на конях. Среди восставших было много демобилизованных солдат, поскольку армия, в военное время достигавшая 100—200 тысяч

человек, сократилась до 7 тысяч. Последние благодаря своему профессиональному опыту оказались очень полезными для движения. К восставшим вскоре присоединился мелкий городской люд⁴. Так, перигорский нотариус Ла-Шань писал многочисленные воззвания, в которых крестьяне приглашались на общую сходку в лес д'Абзак. Крестьяне откликнулись на призыв и отправили своих делегатов. После взаимных приветствий, с речью к прибывшим обратился Папюс Поллиак, фискальный чиновник гор. Дана. Он протестовал главным образом против увеличения талии, способа управления государственными финансами и против некоторых дворян. Оратор призывал жителей сельских местностей объединиться, с тем чтобы принудить врагов к повиновению королю и «разрушить дома тех дворян, которые только и делали, что совершали набеги на быков и коров своих соседей»⁵.

В конечном счете, связь с городской «интеллигенцией» сыграла отрицательную роль, направив движение в легальное русло. Опportunистическое руководство во главе с парламентским адвокатом Поркери (депутатом от гор. Монпасье) внушило восставшим мысль послать делегацию челобитчиков в королевский совет. Представ в Париже перед королевским советом, Поркери расписался в верноподданнических чувствах представляемых им крестьян и принес жалобу на тяготы войны⁶, большую талию, которую выплачивали и королю и лигистам, на

⁴ По регистру муниципалитета гор. Перигора, число восставших в Перигоре достигало 12—15 тысяч человек.

⁵ «...Несколько местных сеньоров, будучи сильными, принудили без малейшего повода платить... ренту, отбывать барщину, извоз и другие повинности и установили и взимали частным порядком вновь введенные налоги... отказывающихся усмиряли драконадами» (выборка из регистра тулузского парламента. 1594 г. См. «Университетские известия». Киев. Февраль 1875 год. Лучицкий «Documents inédits», p. 43).

⁶ «Военные люди... совершили злоупотребление, предприняли против сопротивляющихся... разорение, увод животных и другие жестокости и акты насилия... жили за счет народа... ничего не платя» (выборка из регистра тулузского парламента 1594 г.).

¹ Pierre de Letoile «Collection des memoires. Ed. Michaud et Poujanlat.

² Мелкое и среднее дворянство вышло из эпохи феодальной анархии совершенно дезориентированным. С одной стороны его преследовал кошмар крестьянского бунта, с другой — оно наталкивалось на холодный каменный эгоизм феодальной аристократии. Ему подчас казалось, что перспектива для него открывается лишь на большой дороге. Ну, конечно, больше всего доставалось крестьянам: «...они обесчестили всех женщин и девушек; умертвили в страданиях более 5 тысяч крестьян...» (Pierre de Letoile «Collection des memoires»).

³ Пальма Кайе — член парижского парламента, автор хроник, посвященных периоду последних Валуа и Генриха IV.

сборщиков и финансовых чиновников и подконец выступил против дворян, обвиняя их в жестоком и незаконном обращении с крестьянами. В конце прошения приносилось извинение за организацию вооруженной «ассамблеи» без разрешения короля и испрашивался указ на увольнение лишних чиновников, особенно тех, кто управлял королевскими финансами. Кроме того делегация просила разрешения избирать синдика¹ среди сельских жителей.

Все предприятие кроканов с депутацией в столицу было заранее обречено на неудачу: создание должности синдика было отвергнуто, установленные на этот год размеры талии полностью сохранены; остальные жалобы были переданы на рассмотрение *maitr'a des requets* (парламентского чиновника для жалоб, поступающих на имя короля), т. е. надежно законсервированы.

Однако, в то время как в Париже

заседал королевский совет, и народ и дворянство одновременно нарушили перемирие.

Любопытен документ, приходящийся примерно на это время и составленный во всяком случае после сходки в лесу д'Абзак. В нем приглашают население «вооружиться, присоединиться и противостоять с нами против пагубных замыслов регистраторов и изобретателей субсидий — воров — и их сборщиков и помощников... Не совершайте оплошности и не вооружайтесь для сопротивления, иначе вы увидите нас вплотную через три дня после получения сего, с тем чтобы обуздать вас оружием без снисхождения как подстрекателей и сообщников указанных воров и изобретателей субсидий»².

Составители воззвания, вне сомнения, знали цену союза, заключенного под угрозой вооруженного насилия, но крестьянство в сложном социаль-

¹ Должностное лицо в деревне, обязанное заниматься раскладкой налогов.

² Цит. по «Lettres des croquahts». См. указанные выше «Университетские известия».

его величества — возить пушку по стране без приказа свыше»¹.

В тяжких условиях социального одиночества крестьяне решались на крайние меры, «делая вождей вначале добровольно, но потом... по принуждению»².

Но вернемся к течению событий. Итак, перемирие было нарушено, крестьяне окружили замок Сен-Марсаль, и хотя и тут нашлись советники, пытавшиеся умерить их негодование, тем не менее, повидимому, кроканы не разошлись и добились того, что виконт Бурдей связался с маршалом Буйон и, созвав ассамблею всех местечек, вынес резолюцию о прощении недоимок и ссуд, полученных ранее.

4

Что же определяло незначительные масштабы этого крестьянского восстания, восстания, анемичные формы которого не позволяют исследователю зафиксировать даже какой-либо из его этапов как кульминационный пункт событий, восстания, финальный эпизод которого дошел до нас лишь в мимоходом оброненном замечании Сюлли: «В 1596 году г. д'Абэн нанес решительное поражение 15 тысячам кроканов в Лимузене»³.

ном организме абсолютистской Франции было настолько одиноко, что авторы стремились преодолеть изолированность любой ценой. Казалось, все сословия объединились в стане врагов и трудно, невозможно было различить по ту сторону баррикад вероятного союзника. Что касается до буржуа, то в правление Генриха IV они были далеки от революции. Когда восставшие обратились в муниципалитет Перигора «столицы края и вождя 3-го сословия, чтобы ссудили пушками без поруки и залога для осады Гриньоля, в каком-то засело множество воров...», им было отвечено, что «они должны вернуться по домам и возвращать златки, что необходимо было обратиться к королю, который бы их рассудил, что пушки дать было нельзя, так как это было бы преступлением против

Мы говорили уже о социальном одиночестве кроканов. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»⁴. Прежде чем капитализм создал своего могильщика — пролетариат, — крестьяне находили союзника и вождя в лице городского плебса. Но кро-

¹ См. цит. выше репистр муниципалитета гор. Перигора.

² Там же.

³ Мемуары Сюлли за 1596 год.

⁴ Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

каны, на несколько десятилетий предупредившие городские волнения, не имели не только вождей и союзников, но и сколько-нибудь многочисленных попутчиков. Это объясняется и экономической конкуренцией города и деревни, где в XVI веке зарождается кустарный промысел, являвшийся опасным конкурентом городских ремесленников.

Не благоприятствовала военно-политическому союзу города и деревни и неравномерность обложения. Талия становилась узко крестьянской проблемой. Крестьяне со своей стороны относились индифферентно к налогам, обременявшим города. Что же касается до «высокой» буржуазии — городского патрициата — «признанного вождя 3-го сословия», то она безумно боялась крестьянских волнений, поскольку земли вокруг города принадлежали ей. Таким образом, в лучшем случае вождем кроканов оказывался солдат; большей же частью приходилось удовлетворяться суррогатом из представителей чиновного люда.

Почва для революционных настроений, естественно, была: приводимые выше цифры Кламажерана далеко не учитывают всех денежных повинностей: система откупов, хозяйственных должностей создавала добавочную нагрузку к налоговому прессу. Кроме того еще сохранялась совершенно произвольная эксплуатация феодалами; ее усугубляла задолженность торгово-ростовщическому капиталу. Наконец, к этому присоединялась экспроприация крестьянского хозяйства городскими патрициями и дворянством мантии.

Но это еще не создавало революционной ситуации. Первым признаком революционной ситуации является «невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»¹. Был ли этот признак налицо? Нет, его не было. Абсолютистское государство Генриха IV было молодым организмом, с необломанными зубами и исто-

рической перспективой на полтора с лишним столетия. «Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому»². Вторым признаком революционной ситуации является «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»³. Был ли этот признак налицо? Нет, не было и его. В сравнении с непосредственно предшествующей эпохой феодальной анархии и квази-религиозных войн уменьшился и феодальный гнет и дворянский бандитизм. «Феодальный строй» оставался «...ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса»⁴, но наступила несомненная передышка. И эта передышка — пусть относительная — су-

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс «Немецкая идеология», стр. 14. Партиздат. 1933.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 244.

ществовала, и феодальная реакция вновь резко усилилась только перед великой буржуазной революцией. При Генрихе IV, правда, началась экспроприация крестьянства, но этот процесс находился еще в зачаточном состоянии, что же касается до усиления налогового гнета, то последний никогда не был таким универсальным революционирующим фактором, как феодальный гнет.

Верхушка деревни избавилась от обложения и даже приобрела на нем. Кулаки зачастую были теми самыми «*comis*» (помощниками сборщиков), которым так доставалось от крестьян.

Отсутствие первых двух признаков снимало и третий: «Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и сами «*в е р х а м и*», к самостоятельному историческому выступлению»¹.

Итак, общий протест крестьянских масс был слаб; из первой схватки с создавшимся абсолютизмом крестьянство ушло побежденным. Сведениями

о координации движений в городе и на селе мы не располагаем. Это, конечно, не окончательные выводы. Ошибочно предположение, что советскому историку достаточно заимствовать из исторической литературы какой-нибудь факт, уже использованный буржуазным ученым, и осветить его с марксистской точки зрения, чтобы тем самым заставить этот факт служить пролетарской революции. Буржуазный историк из бедных доступных ему фактов привлекал именно те, которые подкрепляли его концепцию, и игнорировал другие, оставляя их подспудом. Вот почему мы располагаем сегодня только глухими известиями о народных движениях при французском абсолютизме; вот почему советскому историку средневековья совершенно невозможно пользоваться западной исторической литературой как первоисточником для того, чтобы преодолеть тенденциозность буржуазной историографии и создать действительно объективную историю.

Много, вероятно, страниц истории кроканов еще остается не перелистанными. Предстоит кропотливая работа над скупым документальным материалом.

¹ Ленин. Т. XVIII, стр. 244.